
Владимир Кожедеев
Тень Медного всадника

Владимир Кожедеев

Тень Медного всадника

Серия «Исторические детективы», книга 19

https://litres.ru/73543722
SelfPub; 2026

Аннотация

Российская империя, начало XIX века. Молодой следователь Алексей Ракитин, расследуя убийства крестьян в тамбовской глуши, находит нетленное тело женщины, пролежавшее в подземелье полвека. Он еще не знает, что эта женщина — его родная мать, а ее убийца — его отец. Тайна рождения, масонский заговор, покушение на императора и любовь, вспыхнувшая вопреки всем преградам — все это ждет героя на пути к правде. Но главный вопрос: сможет ли он, пройдя через тьму, сохранить свет в душе?

Содержание

Часть 1. 4

Пролог. Граф перечитывает старые письма, а читатель впервые слышит название Богодуховка. 4

Глава 1. Столичный следователь едет в командировку и встречает на пути мертвеца. 9

Глава 2. Герой вспоминает минувшее, а читатель узнает, из какого теста сделан титулярный советник и какие тайны хранит его род. 16

Глава 3. Титулярный советник является к губернатору, знакомится с местным обществом и получает неожиданное предложение. 28

Глава 4 Капитан Зуров рассказывает о Богодуховке, а герой впервые видит проклятое место. 33

Глава 5. Богодуховка. Герой видит деревню, знакомится со старостой и слышит первый рассказ о проклятом месте. 38

Глава 6. Герой вступает в Черный овраг, находит следы древнего злодейства и встречает живого свидетеля. 45

Конец ознакомительного фрагмента. 50

Владимир Кожедеев
Тень Медного всадника

Часть 1.

Пролог. Граф перечитывает старые письма, а читатель впервые слышит название Богодуховка.

Январь, 1800 год.

Санкт-Петербург, дворец графа Шереметева на Фонтанке.

Зима в тот год стояла лютая. Даже Нева, говорят, промерзла до дна, и рыбаки, рискуя провалиться, жгли костры прямо на льду, грея окоченевшие руки. В окнах графского дворца, выходящих на Фонтанку, иней рисовал такие причудливые узоры, что казалось, будто сама стужа решила посоревноваться с лучшими итальянскими мастерами в искусстве орнамента.

Граф Александр Николаевич Шереметев сидел в своем кабинете, обитом зеленым сукном, у огромного мраморного камина, но тепла не чувствовал. Ему шел пятьдесят третий

год, но выглядел он старше: ранняя седина, глубокие морщины у рта, постоянная усталость в глазах. Он принадлежал к той породе вельмож екатерининского века, которые еще помнили дворцовые перевороты, фаворитов и фавориток, но уже чувствовали, как новый век, железный и деловой, ломится в дверь, неся с собой иные нравы и иных людей.

Перед ним на столе лежал лист плотной гербовой бумаги, пожелтевший от времени, исписанный бисерным, чуть дрожащим почерком покойной жены. Параскева Ивановна, урожденная графиня Шереметева (они приходились друг другу дальними родственниками, что в их кругу не считалось зазорным), умерла три года назад. Три года, а боль не утихала. Он часто перечитывал ее письма, находя в них утешение и муку одновременно.

Это письмо было отправлено семь лет назад, когда она ездила в тамбовское имение навещать больную тетку.

«…А лес тот, Сашенька, проклят. Еще при царе Алексее Михайловиче раскольники там скит сожгли, и земля ту кровь пила три дня. Мужики наши из Богодуховки дорогу ту стороной обходят, даже днем. А по ночам, говорят, из-под снега вой доносится. Не волчий, а будто сама земля стонет, не может забыть содеянного. Я не верила, покуда сама не услышала. Ехали мы из Богодуховки в усадьбу, смеркалось уже, и вдруг лошади взвились на дыбы, кучер едва удержал. И такой стон пошел из-под копыт, такой плач, что у меня сердце зашлось. Теперь велю кучеру объезжать то место за

три версты. И ты, как поедешь имение ревизовать, не езди той дорогой. Береженого Бог бережет…»

Граф отложил письмо. Он помнил тот день, когда получил его. Тогда он лишь улыбнулся женским страхам, поцеловал конверт и убрал в бюро. А теперь, семь лет спустя, в пустой холодной зале, слова эти звучали иначе. Словно Параскева говорила с ним с того света.

Он встал и подошел к огромной карте Российской империи, висевшей на стене. Тамбовская губерния. Уездный город N. А вот и Богодуховка – точка, едва различимая среди зеленых пятен лесов и синих жилок рек.

Граф никогда там не был. Имение это досталось ему от бабки, Натальи Долгорукой, женщины крутого нрава и загадочной судьбы. Управляющий писал исправно, оброк платил без задержек, крестьяне, судя по отчетам, бунтовать не смели. Все было чинно и благородно. Но почему-то именно сейчас, глядя на иней и слушая, как ветер с Невы завывает в трубах, граф вдруг явственно представил себе ту самую дорогу – занесенную снегом, пустынную, уходящую в черный лес. И тот самый стон, который, по словам жены, издавала земля.

– Степка! – крикнул граф, не оборачиваясь.

Дверь бесшумно отворилась. Вошел камердинер Степан, человек лет сорока, с бесстрастным лицом старого слуги, видавшего виды.

– Слушаю, ваше сиятельство.

– Управляющий из тамбовского имения, когда последний раз писал?

– В сентябре, ваше сиятельство. С отчетом об урожае.

– Больше никаких вестей не было?

Степан замялся на секунду, и граф, обернувшись, заметил это движение. Старый слуга умел скрывать чувства, но не перед хозяином.

– Говори, – приказал граф.

– Там, ваше сиятельство… странности в Богодуховке. Мужики пропадать стали. Управляющий писал управляющему петербургской конторы, по секрету. Бумага, стало быть, не до вас дошла, затерялась в канцеляриях. А мне Федор, камердинер графа Николая Петровича, сказывал. Трое мужиков за зиму сгинуло. Ищут – нету. Как в воду канули. Или в лес ушли, к раскольникам.

Граф нахмурился. Беглые крестьяне – дело обычное. Но трое за зиму из одной деревни? Многовато. И почему управляющий пишет в Петербург тайно, а не прямо ему?

– Кто сейчас в тех краях из наших людей? – спросил граф.

– Да никто, ваше сиятельство. Разве что капитан Зуров, исправник. Он человек надежный, из отставных военных. Ему граф Николай Петрович доверяет.

Граф помолчал, глядя на карту. Точка Богодуховки казалась ему теперь не просто географическим названием, а входом в какую-то темную бездну.

– Приготовь экипаж, – сказал он наконец. – Завтра еду к

государю. Надо просить разрешения на ревизию. Сам поеду. Или… или кого-то пошлю. Толкового. Из министерства.

Степан поклонился и вышел. А граф все стоял у карты, водил пальцем по линии тракта, ведущего от Москвы на Тамбов, и думал о том, что, может быть, зря он не послушал жену. Может быть, и правда, есть места, куда лучше не соваться. И тайны, которые лучше не ворошить.

Но было поздно. Тайна уже позвала его. И ответить на этот зов предстояло не ему, а другому человеку. Человеку, который еще не знал, что его судьба уже решена.

Глава 1. Столичный следователь едет в командировку и встречает на пути мертвеца.

Март 1800 года.

Где-то на Тамбовском тракте.

Март в тот год выдался на удивление ранний и дружный. Снег таял не по дням, а по часам, дороги превратились в месиво из грязи и ледяной крошки, и даже опытные ямщики, народ, известный своим фатализмом и привычкой полагаться на волю Божью, крестились при виде каждой новой лужи, норовившей скрыть под собой телегу с головой.

Меня, титулярного советника Алексея Ивановича Ракитина, командированного из Петербурга для ревизии уездного суда в городе N, трясло в тарантасе уже третьи сутки. Каждая косточка во мне, казалось, выучила наизусть все ухабы Московского и Владимирского трактов, а теперь сдавала экзамен на прочность по тамбовскому бездорожью.

Я ехал в город N, известный в столицах разве что своими солеными огурцами, которые поставлялись к императорскому столу, да тем, что там, по слухам, губернатор, тайный советник Крутицкий, вот уже пять лет вел непримиримую войну с собственным вице-губернатором, статским советником Бубновым. Причиной войны, как утверждали злые язы-

ки, была породистая болонка, которую губернаторша якобы подарила вице-губернаторше, а та, в свою очередь, не пригласила дарительницу на именины. Впрочем, в провинции и не такие страсти кипят.

В дорожной скуке, когда за окном тарантаса мелькали одни и те же унылые картины: голые деревья, мокрые избы, тощие собаки, лающие на проезжающих, – я коротал время, вспоминая детали последнего своего петербургского дела. История была громкая и грязная: поддельные векселя на огромную сумму, замешаны купцы первой гильдии, один надворный советник и, что совсем уж пикантно, певчий из придворной капеллы. Главным свидетелем оказался глухонемой мальчик, которого мошенники использовали как курьера, не подозревая, что он умеет читать по губам. Я тогда три недели учился общаться с ним с помощью жестов и записок и в конце концов раскрутил это дело. В Петербурге такие истории – обыденность. Там преступления изощренные, почти элегантные, как менуэт. Здесь же, в этой снежной и грязной бескрайности, казалось, и преступления должны быть другими. Грубыми, топорными, почти животными. Душегубство из-за тулупа, кража лошади, поджог из мести.

Мои размышления прервал отчаянный крик ямщика.

– Тпрру-у-у! Чтоб тебя разорвало!

Меня швырнуло вперед, я едва не ударился головой о передок тарантаса. Лошади всхрапнули и встали как вкопанные. Выглянув наружу, я увидел, что мы едва не врезались

в опрокинутый воз, сиротливо стоявший на обочине. Рядом не было ни лошади, ни человека. Только в придорожной канаве, наполовину присыпанный талым, грязным снегом, лежал тулуп. Обычный мужицкий тулуп, серый, с рыжими заплатами.

Я велел ямщику остановиться и, чертыхаясь и увязая в ледяной жиже, подошел ближе. Тулуп оказался человеком. Мертвым крестьянином. Он лежал ничком, раскинув руки, и даже по тому, как неестественно была вывернута его левая рука, было ясно: он не просто упал с воза и замерз. Его убили. И, судя по глубокой ране на затылке, запекшейся корке черной крови в спутанных волосах, убили чем-то тяжелым и тупым. То ли обухом топора, то ли камнем.

Я наклонился, чтобы осмотреть тело, но тут подбежал ямщик, мужик лет пятидесяти, с бородой, похожей на войлок, и зашептал, мелко крестясь:

– Гос-споди помилуй! Спаси и сохрани! Барин, не подходите! Это ж Степка-дурачок! Из Богодуховки он. Тихий был, безобидный, грибы собирал, ягоды, в городе продавал. Царствие ему небесное…

– Из Богодуховки? – переспросил я, чувствуя, как странный холодок пробегает по спине. Название, незнакомое еще минуту назад, вдруг кольнуло чем-то смутно знакомым. Где-то я его уже слышал? В канцелярских бумагах? Или в матушкиных рассказах?

Я снова наклонился, чтобы перевернуть тело, но ямщик

вдруг схватил меня за руку с неожиданной силой.

– Барин! Не троньте! Нехай лежит! Не трогайте, Христом Богом молю! Это ихнее, богодуховское. Там у них… самосуд. Али домовой замучил. Место тут глухое, чертово. Сказывают, еще при царе Алексее Михайловиче раскольники здесь скит спалили, и с тех пор нечисто. Ехать надоть, пока не стемнело. Заночуем на станции, а утром, с Богом, дальше.

Я вырвал руку. Петербургская привычка к порядку, к закону, к тому, что насильственная смерть требует расследования, а тело – освидетельствования, боролась во мне с тем первобытным, древним ужасом, который веял от этого пустого тракта, от этого брошенного тела, от этого шепота ямщика про раскольников и домового.

Но прежде, чем я успел возразить и велеть грузить тело в тарантас, чтобы везти в город, вдалеке послышался цокот копыт. Из-за поворота, со стороны города, показалась кавалькада всадников.

Четверо верховых, цокая копытами по жидкому снегу, приближались к нам. Одетты они были не по-дорожному: в длинные темно-зеленые сюртуки, цивильные, но сидели в седлах по-кавалерийски ловко, с той особой выправкой, которая отличает людей, привыкших к лошади с детства. Впереди ехал человек лет сорока пяти, с усталым, но властным лицом и седыми бакенбардами, доходившими почти до углов рта.

Осадив коня, он окинул нас, ямщика и меня, цепким,

быстрым взглядом светлых глаз, скользнул по телу в канаве и, не слезая с лошади, спросил голосом, не терпящим возражений:

– Кто таковы будете?

Я представился, назвав чин, фамилию и цель командировки. При упоминании Петербурга и Министерства юстиции бровь незнакомца чуть дрогнула – то ли удивление, то ли насмешка. Он ловко, несмотря на грузность, спрыгнул с коня, бросил поводья одному из сопровождающих и, подойдя к телу, двумя пальцами приподнял край тулупа, открывая лицо. Осмотрев рану, он негромко, но отчетливо выругался – по-русски, но с той особенной интонацией, какая бывает только у старых служак.

– Ракитин, говорите? – он повернулся ко мне, вытирая руки о снег. – Очень кстати. Я здешний исправник, капитан Зуров. А это, – он кивнул на тело, не глядя, – третье за месяц. И все из одной деревни. Из Богодуховки.

Он пристально посмотрел мне в глаза, и в этом взгляде читалась не просто усталость провинциального служаки, привыкшего к пьяным дракам и кражам кур, а какая-то горькая, давняя обреченность. Словно он знает что-то, чего не знаю я, и знает, что это «что-то» рано или поздно придется открыть.

– Вы, я вижу, человек ученый, столичный. – Он усмехнулся, но усмешка вышла невеселой. – Может, вы мне объясните, как в уезде, где уже пять лет ни одной душегубской драки не случалось, а только кражи да пьянство, вдруг один за дру-

гим гибнут мужики из одного поместья? И гибнут так, что ни волки их не трогают, ни зверь, а следов вокруг – ровно сам черт их вылизал? И ни души свидетелей, и никто ничего не видел, не слышал, не знает?

Капитан сплюнул в снег.

– Только, бога ради, не говорите мне про разбойников с большой дороги. В такую распутицу только самоубийца на большую дорогу выйдет, а разбойники по кабакам сидят, самогон глушат. Да и не грабленый он, – кивнул на труп. – Гляньте: тулуп цел, сапоги на нем новые, за пазухой – медный крест и три рубля деньгами. Не разбой.

Я промолчал, глядя на багровое пятно, расползавшееся под головой мертвого Степки под талым снегом, и на его застывшее лицо с приоткрытым ртом. Мой въезд в губернский город N обещал быть гораздо интереснее, чем я предполагал. И название «Богодуховка» теперь преследовало меня, как неотвязная мысль, готовая вот-вот обернуться кошмаром.

Ветер донес с полей запах сырой земли и прелой прошлогодней листвы. Весна в этом году была ранняя. И тревожная.

Капитан Зуров выпрямился, оглядел пустой тракт, лес на горизонте и бросил коротко одному из своих людей:

– Семенов, дуй в Богодуховку. Скажи старосте: еще один. Степка-дурачок. Пусть присылают подводу, забирают тело. И чтоб к вечерне сегодня похоронили. Без разговоров.

Потом обернулся ко мне.

– А вас, господин титулярный советник, прошу пожаловать в город. Губернатор будет рад. Тем более… – он помедлил. – Тем более что на вас, кажется, уже есть запрос из Петербурга. От графа Шереметева. Лично.

Я вздрогнул. Граф Шереметев? Один из богатейших людей России, владелец десятков тысяч душ, меценат, вельможа. Что ему нужно от мелкого чиновника министерства юстиции?

Капитан заметил мое удивление и усмехнулся уже без насмешки, а с каким-то мрачным пониманием.

– Да, батенька. Похоже, не зря вы в такую даль ехали. Похоже, Богодуховка и до столиц добралась. Ну что ж, милости просим в наш медвежий угол. Скучно у нас, правда, редко бывает. Особенно в последнее время.

Он вскочил на коня, козырнул и, не оглядываясь, поскакал дальше по тракту, в сторону города, оставив меня стоять над мертвым Степкой с чувством, что я только что перешагнул через некую невидимую черту. И обратной дороги нет.

Глава 2. Герой вспоминает минувшее, а читатель узнает, из какого теста сделан титулярный советник и какие тайны хранит его род.

Той же ночью, лежа на жестком казенном диване в квартире, отведенной мне при уездном суде города N, я не мог сомкнуть глаз. За окном выл мартовский ветер, срывая с крыш последний снег и бросая его горстями в стекла, а перед внутренним взором стояло лицо мертвого Степки-дурачка – белое, с прикушенным языком, словно он и после смерти пытался что-то сказать, да не мог.

Рядом на стуле лежала моя дорожная сумка, из которой торчал край запечатанного пакета с сургучной печатью – предписание из министерства. Я его даже не открывал толком, зная содержание: ревизия уездного суда, проверка делопроизводства, выявление злоупотреблений. Обычная командировка, каких у меня было уже с десяток. Но теперь к этому прибавилось имя графа Шереметева. И название Богодуховка. И три мертвых мужика.

Чтобы прогнать наваждение, я заставил себя думать о прошлом. О том, что привело меня, потомственного дворя-

нина, в эту глушь с ревизией, вместо того чтобы блистать в гостиных Петербурга, делать карьеру, искать выгодную партию, как все мои сверстники. Мысли эти были горьки, но привычны. Они текли по давно проторенному руслу, и я позволил им течь, надеясь, что убаюкают и принесут сон.

Детство мое прошло в Москве, в собственном доме отца на Пресне. Дом был старый, екатерининских времен, с мезонином, белыми колоннами, облупившейся лепниной и неизбежным флигелем во дворе, где жили дворовые. В мезонине водились мыши и, по слухам горничных, привидение прабабки, которая, будучи заперта мужем в чулан за какую-то провинность, якобы так и не вышла оттуда живой, а душа ее неприкаянной бродит по дому и стонет по ночам. Я в привидения не верил, но в детстве, бывало, бежал по темной лестнице так, что пятки сверкали.

Отец мой, Иван Андреевич Ракитин, принадлежал к тому типу людей, которых называют «философами на диване». В молодости он подавал надежды: служил в гвардии, в Семеновском полку, участвовал в русско-турецкой войне, имел ранение в плечо и даже, по слухам, был знаком с самим Суворовым, который будто бы потрепал его по щеке и сказал: «Молодец, братец, бравый солдат». Но после женитьбы на моей матери, не имевшей за душой ничего, кроме древней фамилии и дюжины душ крестьян в Смоленской губернии, он как-то сник. Вышел в отставку, поселился в Москве и посвятил себя чтению французских романов, игре в карты по

маленькой, с соседями-помещиками, и составлению проектов переустройства России. Проекты эти он писал гусиным пером в толстых амбарных книгах, переплетенных в кожу, а потом прятал подальше, в старый сундук, обитый жестью, чтобы, не дай Бог, кто не прочел и не донес, куда следует.

– Лешка, – говаривал он мне, когда я, бывало, подходил к его креслу, отрываясь от книги или от писанины, – запомни, сынок, на всю жизнь запомни: честь – это единственное, что у тебя не отнимут. Даже если ты будешь в долговой яме, даже если вся губерния будет над тобой смеяться, даже если сам государь на тебя прогневается – оставайся честен перед собой. И перед законом. Не перед тем законом, что пишут в угоду императрицам и временщикам, а перед тем, что Богом в душу вложен. Закон писанный – бумага, он сегодня один, завтра другой. А совесть – она одна на всю жизнь.

Отец любил поговорить о высоких материях. Но при этом, как я потом узнал, задолжал половине Москвы, имение наше смоленское было заложено и перезаложено, и после его смерти мне достались лишь долги да старый сундук с его прожектами, которые никому не были нужны.

Матушка моя, Елена Григорьевна, была женщиной совершенно иного склада. Тихая, болезненная, вечно в кружевной косынке и с книгой житий святых в руках, она словно боялась занимать в этом мире лишнее место. Говорила шепотом, ходила бесшумно, и, если бы не легкий запах лаванды, который всегда от нее исходил, ее можно было бы принять

за тень.

Она происходила из обедневшего рода князей Мышецких – фамилии древней, ведущей начало чуть ли не от Рюрика, но нищей, как церковная мышь. Дед мой по матери, князь Григорий Мышецкий, промотал последнее состояние на строительство домашнего театра в своем подмосковном имении. Он выписывал декорации из Италии, крепостных актрис учил французскому языку и сценическому движению, а сам, переодевшись в римскую тогу или средневековые доспехи, выходил на сцену и читал монологи из трагедий Озерова и Сумарокова, пока публика, состоявшая из тех же крепостных и пары заезжих соседей, дремала от скуки или откровенно храпела. В конце концов он разорился в пух и прах, имение пошло с молотка, а моя мать осталась с одной только фамилией и фамильными портретами, которые отец мой, Иван Андреевич, разрешил ей повесить в гостиной.

Именно от матери, от ее тихих вечерних рассказов у камина, во мне и зародилась эта странная, может быть, даже болезненная тяга к тайнам. Она рассказывала не сказки про Бабу-ягу и Кощея, а истории из жизни нашей семьи. Подлинные истории, но в них всегда была какая-то недосказанность, какая-то тень, какой-то провал, куда нельзя было заглядывать.

Особенно часто она вспоминала свою бабку, мою прабабку, Марфу Ильиничну Мышецкую, урожденную графиню Шереметеву. Та была фрейлиной еще при императрице

Елизавете Петровне, слыла первой красавицей двора, за ней ухаживали вельможи и даже, по слухам, сам государь Петр Федорович, будущий Петр III, оказывал ей знаки внимания. Но в двадцать три года, в самом расцвете красоты и успеха, она вдруг бросила Петербург, уехала в тамбовское имение, доставшееся ей от матери, заперлась там во флигеле и до самой смерти – а прожила она еще пятьдесят лет, до глубокой старости! – не выходила к людям. Виделась только со старой нянькой, крепостной, да со священником, который приезжал раз в месяц исповедовать и причащать.

– Что же случилось, маменька? – спрашивал я, замирая от восторга и ужаса, хотя слышал эту историю уже сто раз.

– Никто не знает, Алешенька, – вздыхала матушка, гладя меня по голове прохладной, тонкой рукой. – Говорили разное. Говорили, что она была замешана в какой-то заговор, что знала государственную тайну, которую унесла с собой в могилу. Говорили, что она стала свидетельницей убийства. Или сама в нем участвовала. А бабушка Марфа перед смертью исповедовалась, и священник, отец Николай, вышел от нее белый как мел, трясущийся, и никому ничего не сказал, только перекрестился и уехал. А на исповеди – тайна. Тайна сия велика есть. И никто никогда не узнает, что же там произошло.

И тут ее взгляд становился странным, отсутствующим. Она смотрела куда-то в угол комнаты, где колыхалась тень от свечи, и мелко, часто крестилась.

– Но есть в семье вещи пострашнее тайн, Алеша, – однажды сказала она мне шепотом, когда мне было лет двенадцать, и мы сидели вечером вдвоем. – Есть проклятия.

– Какие проклятия, маменька?

– Не спрашивай. Не пришло время. Может, и никогда не придет. Молись, Алеша, и Бога благодари за то, что не знаешь.

Я тогда не понял. А она не объяснила. Только перевела разговор на другое, и больше мы к этой теме не возвращались. Но слова ее запали в душу глубоко, как заноза.

Воспитание мое было хаотичным и бессистемным. Француз-гувернер, месье Дефоссе, пьяница и бездарность, сбежал от нас через полгода, прихватив матушкин ридикюль с двадцатью пятью рублями и серебряную табакерку отца. Немец Карл Карлович Фохт, которого наняли после него, был человеком совершенно иного склада. Сухой, педантичный, в очках с железной оправой, он не пил, не курил, не играл в карты и требовал от меня того же.

– Порядок, Алексей, – скрипел он, постукивая тростью по полу, когда я ошибался в немецкой грамматике или путался в математических выкладках. – Порядок есть первая добродетель человека и гражданина. В беспорядке живут звери, в порядке – человек. «Ваша Россия, – говорил он с тем особенным отчуждением, с каким немцы рассуждают о России, – погибнет не от татар и не от французов, а от собственного беспорядка». И в голове, и в душе, и в канцеляриях. Запом-

ните это.

Именно Карл Карлович привил мне любовь к системе, к логике, к последовательности. Он заставлял меня решать головоломки, играть в шахматы, доказывать теоремы, искать ошибки в чужих рассуждениях.

– Всякое явление, – говорил он, – имеет причину. Если вы не видите причины, это не значит, что ее нет. Это значит, что вы плохо ищете. Ищите лучше.

Эти уроки пригодились мне больше, чем все французские романы, которые читал отец.

Позже, когда мне исполнилось шестнадцать, меня отправили в Петербург, в Императорский университет, на юридический факультет. Это было в 1794 году. Царствование императрицы Екатерины Алексеевны клонилось к закату, в воздухе пахло грозой, французская революция пугала дворянство до колик, но в аудиториях профессора все еще читали лекции о естественном праве, о том, что человек рождается свободным, о том, что закон должен быть одинаков для всех, от министра до последнего крепостного. Теории эти казались прекрасными, но на практике… На практике я видел другое.

Профессор Антон Антонович Прокопович-Антонский, мой наставник и руководитель, был человеком увлеченным и, как сейчас бы сказали, либеральным. Он заметил мою склонность к анализу, к распутыванию сложных коллизий, к тому, чтобы видеть за буквой закона живого человека.

– Вы, Ракитин, – говорил он мне после лекций, попыхивая длинной трубкой с янтарным мундштуком и пуская кольца дыма в потолок своей захламленной книгами квартиры на Васильевском острове, – обладаете редким даром. Вы видите, не просто факты, а связи между ними. Это дар следователя, а не чиновника. Чиновник исполняет параграфы, он как машина: подай ему бумагу, он ее обработает и выдаст резолюцию. А следователь видит человека за этими параграфами. Его страсти, его слабости, его тайны. Но помните: правда, как и яд, – в малых дозах лечит, а в больших – убивает. Ищите ее осторожно. И всегда задавайте себе вопрос: а нужно ли эту правду открывать? Не принесет ли она больше вреда, чем пользы?

Тогда я не понимал до конца его слов. Мне казалось, что правда всегда нужна, всегда полезна, что только тьма боится света. Я был молод и глуп.

Отец мой умер, когда я был на втором курсе. Оказалось, что за его внешней беспечностью, за его философствованием и прожектами скрывались огромные долги. Дом на Пресне пришлось продать за бесценок купцу-старообрядцу, который устроил там молельный дом. Матушка переехала в маленькую квартирку в Лефортово, в двух шагах от военного госпиталя, отпустив последних двух дворовых на волю, чем вызвала гнев соседей, считавших это вольнодумством и даже опасным безумием. Родовое имение, смоленское, с двадцатью душами, чудом удалось отстоять, но оно приносило

лишь жалкие гроши, которых едва хватало на пропитание.

Из богатого наследника, которому прочили блестящую карьеру и выгодную партию, я превратился в бедного студента, вынужденного считать каждую копейку. Многие вчерашние друзья, с которыми я пил шампанское и волочился за актрисами, отвернулись. Это было жестокое, но полезное лекарство. Я понял раз и навсегда: в этом мире рассчитывать можно только на себя и на свою голову. Деньги, связи, покровительство – все это может исчезнуть в один день. А то, что умеет твой мозг, что знает твоя память, что говорит тебе твоя совесть – это останется с тобой всегда.

По окончании университета, с трудом, но с отличием, меня определили в Министерство юстиции, в Петербурге. Начал я с самого низа – с мелкого писца, с переписывания бесконечных бумаг, с разбора архивных дел, пыльных, пахнущих мышами и тлением. Ночи напролет я корпел над старыми следственными делами, выискивая ошибки, несоответствия, следы подлога, пытаясь понять логику преступников и логику следователей, которые вели эти дела. Меня заметили. Через пять лет я уже титулярный советник, один из лучших следователей по особо важным делам в столице. Моим мнением дорожили, мои доклады читали с вниманием.

Но был в моем послужном списке один провал. Одно дело, которое я не раскрыл. Которое до сих пор жгло мне душу по ночам.

Дело купца первой гильдии Хлебникова. Старик Хлебни-

ков, миллионщик, владелец пароходов и заводов, был найден мертвым в собственном кабинете в своем особняке на Английской набережной. Дверь была заперта изнутри, ключ торчал в замке. Никаких следов взлома. Подозревали всех: молодую жену-красавицу, которая была вдвое моложе его, племянника-мота, который ждал наследства, приказчиков, компаньонов. Я три месяца топтался на месте. Собрал гору улик, допросил больше сотни свидетелей, провел десятки очных ставок, но так и не смог сложить из осколков единую, непротиворечивую картину. Какая-то деталь все время выпадала, какая-то ниточка обрывалась. Преступление осталось безнаказанным. Начальство, скрепя сердце, дело закрыло, списав на несчастный случай – у старика было слабое сердце – или на самоубийство. Но я-то знал: это было убийство. И убийца был умен, хладнокровен и жесток. Настолько умен, что переиграл меня, перехитрил, провел, как мальчишку.

Этот провал жег меня изнутри. Он был занозой, которая не давала покоя. Именно поэтому я не отказался от этой дурацкой командировки в этот Богом забытый город N, хотя мог бы отмазаться, сослаться на занятость, на важные столичные дела. Мне нужно было уехать, сменить обстановку, проветрить голову. И, может быть, найти себе новое дело, которое докажет мне самому, что я еще чего-то стою. Что ошибка с Хлебниковым – случайность, стечение обстоятельств, а не приговор моим способностям.

Засыпая уже под утро, когда ветер за окном немного стих, а петухи начали перекликаться на окраинах города, я вдруг вспомнил еще один матушкин рассказ. Она говорила о прабабке Марфе Ильиничне, которая заперлась во флигеле и никого не пускала. Так вот, по одной из версий, которую матушка слышала от своей матери, прабабка стала затворницей не из-за придворных интриг, а потому что стала свидетельницей убийства. Убийства, которое случилось в тамбовском имении. В имении ее родственников, Шереметевых. Там, где сейчас Богодуховка.

Я сел на диване, обхватив колени руками, и долго сидел так, глядя в темноту. Сердце колотилось где-то в горле. Связь была призрачной, почти мистической, сотканной из совпадений и домыслов. Степка-дурачок из Богодуховки с проломленной головой. Прабабка, бежавшая от тайны в тамбовские леса и запершаяся там на полвека. Семейная легенда о проклятии. И граф Шереметев, который, оказывается, ждет меня здесь.

«Вздор, – сказал я себе решительно. – Совпадение. Матушкины сказки, разыгравшееся воображение после бессонной ночи и встречи с покойником. Не может быть никакой связи через полвека. Не бывает таких совпадений».

Но в глубине души, в том темном, глубоком колодце, где живут все наши родовые страхи, все наши детские кошмары, все то, что мы прячем от себя самих, уже затеплился ледяной огонек. Мне предстояло расследовать убийство крепостного

мужика в тамбовской глуши. Обычное, казалось бы, дело. Но я чувствовал кожей: это только начало. И вместе с этим расследованием я, сам того не желая, заглядываю в бездонный колодец собственной семейной истории, на дне которого, быть может, лежит нечто такое, что лучше бы и не видеть вовсе.

Утром меня ждал визит к губернатору. И встреча с капитаном Зуровым. И Богодуховка.

Глава 3. Титулярный советник является к губернатору, знакомится с местным обществом и получает неожиданное предложение.

Утро следующего дня встретило меня серым, свинцовым небом и мелким, противным дождем вперемешку с мокрым снегом. Весна в этих краях, видимо, тоже была дамой с характером: то приласкает ранним теплом, то окатит ледяной водой.

Я привел себя в порядок насколько это было возможно в казенной квартире с продавленным диваном, вечно капающим самоваром и засиженным мухами зеркалом. Мундир мой, хоть и потертый в дороге, был еще ничего, и, прицепив шпагу, я почувствовал себя готовым к визиту к губернатору.

Город N, насколько я успел заметить вчера, был типичным губернским городом средней руки. Несколько мощенных булыжником улиц в центре, деревянные тротуары, собор, присутственные места, гостиный двор с аркадами, где торговали купцы с постными лицами и купчихи в платках, и неизбежный бульвар, где по вечерам прогуливалась местная знать, демонстрируя друг другу наряды, выписанные из

Москвы еще при покойной императрице.

Губернаторский дом стоял на главной площади, напротив собора, и представлял собой массивное двухэтажное здание с колоннами и львами у подъезда – львы, правда, облупились и походили на облезлых дворняжек. Швейцар, старый солдат с георгиевским крестом на мундире, принял мою шинель и проводил на второй этаж, в приемную.

Там уже толпились просители: купцы с бородами, помещики в венгерках, один священник с крестом на груди. Все они с любопытством уставились на меня, столичного гостя. Я прошел к секретарю, молодому человеку с прыщавым лицом и пером за ухом, и отдал ему свои бумаги. Тот, пробежав их глазами, вскочил и почтительно доложил, что его превосходительство ждет меня немедленно.

Кабинет губернатора оказался просторным, с высокими окнами, выходящими на собор, с портретом государя императора в золоченой раме и с огромным письменным столом, заваленным бумагами.

Сам губернатор, тайный советник Петр Петрович Крутицкий, оказался мужчиной лет шестидесяти, грузным, с красным лицом и седыми бакенбардами, одетым в просторный сюртук, который не скрывал его внушительного брюшка. Он сидел в кресле и читал какие-то бумаги, но при моем появлении поднял голову и уставился на меня маленькими, колючими глазками.

– А-а, господин Ракитин! – сказал он голосом, в котором

слышались и радушие, и настороженность одновременно. – Милости просим, милости просим. С приездом. Каково доехали? Дороги у нас, сами знаете, – он махнул рукой, – не Париж.

– Благодарю вас, ваше превосходительство, – ответил я, отвесив поклон. – Дорогой доволен. Впечатления самые живописные.

Губернатор хмыкнул, не поняв, шучу я или говорю серьезно, и указал мне на кресло напротив стола.

– Садитесь, батенька, садитесь. Дело у вас, конечно, известное: ревизия суда. Формальность, я полагаю. Суд у нас работает исправно, жалоб нет, судья человек почтенный, из местных дворян. Но министерству, видите ли, виднее, – добавил он с легкой обидой в голосе. – Проверяйте, Бог в помощь.

Я кивнул, ожидая продолжения. Губернатор помолчал, поиграл золотым пенсне на шнурке и вдруг спросил:

– А с капитаном Зуровым вы, говорят, уже познакомились? На тракте?

– Имел удовольствие, – осторожно ответил я. – При печальных обстоятельствах.

– Да, да, – губернатор вздохнул и покачал головой. – Нехорошая история. Третий мужик за месяц. И все из одной деревни. Беспорядок. Капитан Зуров, конечно, человек исполнительный, но… – он замялся. – Но, знаете ли, провинция. Темнота, суеверия. Самосуды, может быть. Или разбойники.

Хотя, – он нахмурился, – разбойников в уезде нет. Я головой отвечаю.

Он сказал это с такой уверенностью, что я невольно усомнился: откуда такая уверенность? Либо он действительно все контролирует, либо чего-то не договаривает.

– Ваше превосходительство, – начал я, – позвольте спросить. Вчера капитан Зуров обмолвился, что на мое имя есть какой-то запрос из Петербурга. От графа Шереметева. Это так?

Губернатор взглянул на меня с новым интересом. Глазки его заблестели.

– А, вот оно что. Значит, капитан уже успел доложить. Да, есть запрос. Личный. Граф Александр Николаевич Шереметев интересуется вами. Пишет, что наслышан о ваших способностях и просит оказать вам всяческое содействие, а также – если позволят обстоятельства – поручить вам одно частное дело в его тамбовском имении.

– В Богодуховке? – вырвалось у меня.

Губернатор удивленно поднял брови.

– Именно. Вы уже знаете? Откуда? Впрочем, неважно. Да, в Богодуховке. У графа там имение, доставшееся от бабки. Управляющий доносит о каких-то беспорядках. Мужики, видите ли, пропадают. Граф, как человек просвещенный, хочет разобраться сам. Но сам приехать не может – дела, возраст. Вот и просит министерство юстиции, в виде любезности, – губернатор сделал ударение на этом слове, – команди-

ровать вас для расследования на месте. Министерство, разумеется, согласно. Так что ревизия суда – это так, для проформы. Главное ваше дело теперь – Богодуховка.

Я молчал, переваривая услышанное. Выходит, не случайность привела меня сюда. Выходит, граф Шереметев специально меня выбрал. Но почему? Чем я, мелкий чиновник, заслужил внимание одного из богатейших людей империи?

– Ваше превосходительство, – спросил я, – а не сказано ли в письме графа, почему он выбрал именно меня?

Губернатор пожал плечами.

– Пишет: «наслышан о проницательности и честности». Да вы, батенька, видно, знаменитость в столице! – он попытался пошутить, но шутка вышла плоской. – А вообще, граф – человек с причудами. Театр свой содержит, крепостных актеров. Меценат. Мать его, говорят, тоже была с причудами. Впрочем, не нам судить.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Завтра же поезжайте в Богодуховку. Капитан Зуров будет вам помогать. Он человек знающий, хоть и грубоват. А суд подождет. Дел там на неделю, не больше. Успеете. И дай вам Бог удачи.

Он протянул мне руку, и я вышел из кабинета, чувствуя, что попал в какой-то водоворот событий, которые не я выбирал и не я контролирую.

Глава 4 Капитан Зуров рассказывает о Богодуховке, а герой впервые видит проклятое место.

Капитан Зуров ждал меня внизу, в швейцарской. Он стоял у окна, барабаня пальцами по подоконнику, и курил короткую трубку. При моем появлении он обернулся, и я снова увидел его усталое, обветренное лицо с седыми бакенбардами и внимательными светлыми глазами.

– Ну что, господин титулярный советник, – сказал он без предисловий, – получили назначение? Поздравляю. Теперь мы с вами коллеги по несчастью.

– По несчастью? – переспросил я.

– А вы как думали? – усмехнулся Зуров. – Богодуховка – это не просто деревня. Это… – он замялся, подбирая слово, – это гнездо. Гнездо, где уже полвека что-то не так. Пойдемте-ка ко мне, потолкуем. Здесь не место.

Мы вышли на улицу. Дождь прекратился, но небо оставалось серым и низким. Зуров повел меня через площадь к небольшому одноэтажному домику с мезонином, стоявшему в глубине палисадника.

– Моя берлога, – сказал он, отворяя калитку. – Живу один,

холост. Собаки, книги да служба – вот и вся семья.

В доме у него было чисто, но бедно. Стол, несколько стульев, этажерка с книгами, на стенах – лубочные картинки и старое, выцветшее знамя в рамке. В углу – киот с иконами, перед которым теплилась лампада. Зуров налил нам по рюмке водки, поставил на стол тарелку с солеными грибами и квашеной капустой и сел напротив.

– Ну, слушайте, – начал он, выпив и закусив огурцом. – Я здесь служу пятнадцать лет. Уезд знаю как свои пять пальцев. И Богодуховку знаю. Деревня как деревня, крестьян душ сто, может, сто двадцать. Помещик – граф Шереметев, но он там никогда не был. Управляющий – немец, Шток, человек сухой, жестокий, мужиков в кулаке держит, но ворует, конечно, потихоньку. Обычная история.

– Так в чем же дело? – спросил я. – Три убийства за месяц – это необычно.

– В том-то и дело, – Зуров нахмурился, – что это не убийства. То есть, может, и убийства, но не обычные. Первый пропал в январе. Кузнец, Андрей Жила, мужик здоровенный, буйный, пьяница. Нашли его в лесу, в двух верстах от деревни, под сосной. Сидит, прислонившись к стволу, мертвый. И никаких следов насилия. Ни ран, ни крови. Только лицо перекошено, словно он увидел что-то страшное перед смертью. Доктор сказал – разрыв сердца. Ну, разрыв так разрыв. Мужик пьющий, сердце и могло не выдержать.

Зуров налил еще по рюмке, выпил, продолжил:

– Второй – в феврале. Пастух, старик лет семидесяти, Тимофей. Его нашли прямо на околице, у оврага. Лежит ничком, в снегу. И опять ни царапины. Тоже сердце? Старик, может, и сердце. Но лицо – то же самое. Перекошено от ужаса.

Он помолчал.

– А третьего вы сами видели. Степка-дурачок. Тут уже явное убийство: удар по голове, тяжелым предметом. Степка был безобидный, слабоумный, его в деревне все жалели. Кому понадобилось его убивать? И главное – зачем?

Я слушал, и мороз пробегал по коже. Два человека, умерших от страха, и один – убитый. И все из одной деревни. Случайность? Не верилось.

– Капитан, – спросил я, – а что говорят в самой Богодуховке? Крестьяне, староста?

Зуров горько усмехнулся.

– А что они скажут? Молчат как рыбы. Староста, Еремеич, мужик хитрый, себе на уме. Говорит: не знаем, батюшка, не ведаем. Господь наказал, не иначе. А в глазах – страх. Дикий, звериный страх. Они боятся. Все боятся. И не меня боятся, не полиции. А чего-то другого.

– Чего?

– Не знаю, – Зуров развел руками. – Может, лешего, может, домового, может, раскольников, которые в лесах живут. Там, за Богодуховкой, леса дремучие, на сотню верст. Скиты там есть, староверы. В правительство не верят, за антихри-

ста считают. Может, они шалят? Но зачем им безобидный пастух и дурачок?

Мы сидели молча. Я думал о том, что рассказывала матушка. О прабабке, о проклятии. Может, в этом и есть разгадка?

– Капитан, – сказал я наконец, – а что вы знаете об истории Богодуховки? Давней? Лет пятьдесят назад?

Зуров посмотрел на меня с удивлением.

– А вам-то зачем? Впрочем… – он задумался. – История есть. Смутная. Еще при покойной императрице Елизавете, говорят, в тех краях какая-то знатная дама жила, затворницей. Из Петербурга приехала и заперлась. Флигель для нее построили отдельный, она оттуда не выходила, только со старухой-нянькой общалась. И священник к ней ездил. Лет тридцать, говорят, так прожила. Или сорок. Потом умерла, похоронили ее на местном кладбище. Могила есть, говорят, каменная плита, но я не видел. А что?

– А фамилия той дамы? – спросил я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

– Фамилия? – Зуров наморщил лоб. – Графиня, кажется. Мышецкая? Или Шереметева? Из Петербурга, одним словом. А что?

Я молчал, глядя в окно на серое небо. Мышецкая. Марфа Ильинична Мышецкая, урожденная Шереметева. Моя прабабка. Та самая, что заперлась во флигеле после какой-то страшной тайны.

– Капитан, – сказал я тихо, – эта графиня – моя прабабка. По материнской линии.

Зуров уставился на меня, раскрыв рот. Потом перекрестился.

– Ну и дела, – сказал он медленно. – Ну и дела, господин титулярный советник. Выходит, вы не просто следователь. Выходит, вы свой в этом деле. Очень свой.

– Что вы имеете в виду?

– А то, – Зуров налил еще водки, уже себе и мне, – что, может быть, эти убийства – не просто так. Может быть, они связаны с той старой историей. И если так, то вы, как родственник, имеете право знать. Имеете право копать. Или, наоборот, – он усмехнулся, – имеете право бежать отсюда без оглядки, пока не поздно.

Я посмотрел на него. В его глазах не было насмешки. Была тревога.

– Я не побегу, капитан, – сказал я твердо. – Завтра едем в Богодуховку.

Зуров кивнул, поднял рюмку.

– Ну, с Богом. Чокнемся, что ли, на дорожку. Авось вывезет.

Мы чокнулись и выпили. За окном снова пошел снег с дождем.

Глава 5. Богодуховка. Герой видит деревню, знакомится со старостой и слышит первый рассказ о проклятом месте.

Утро следующего дня выдалось морозным и ясным. Ночью ударил мартовский морозец, дороги схватило ледяной коркой, и ехать стало легче. Зуров сам правил санями, рядом со мной сидел его помощник, молчаливый унтер-офицер **Федотов**, с ружьем за спиной.

Верст пятнадцать мы ехали по тракту, а потом свернули на проселочную дорогу, уходившую в лес. Лес встретил нас тишиной и сумраком. Высокие сосны и ели стояли стеной, засыпанные снегом, ветки гнулись под его тяжестью. Солнце пробивалось сквозь хвою редкими золотыми лучами, но свет этот казался неживым, холодным.

– Красиво, – сказал я, глядя на эту зимнюю сказку.

– Красиво, – согласился Зуров. – Только место гиблое. Глухомань. Ни одной деревни на двадцать верст, только леса да болота. Летом тут комарье – спасу нет. А зимой – тишина. Мертвая тишина.

Вскоре лес расступился, и мы въехали в Богодуховку. Деревня как деревня: две улицы, избы, почерневшие от вре-

мени, крытые соломой, колодец посредине, церквушка деревянная на взгорке, маленькая, старая, с покосившимся крестом. У околицы нас встретила стая собак, поднявших лай, и несколько ребятишек в рваных тулупчиках, которые тут же разбежались, увидев начальство.

Староста Еремеич ждал нас у своей избы. Это был мужик лет пятидесяти, с окладистой рыжей бородой и хитрыми, бегающими глазками. Он низко поклонился, снял шапку и застыл в почтительной позе.

– Здорово, Еремеич, – сказал Зуров, спрыгивая с саней. – Принимай гостей. Это из самого Петербурга следователь, по графскому делу. Будет разбираться, что у вас тут творится.

Еремеич поклонился еще ниже, но я заметил, как при слове «графское дело» в его глазах мелькнул страх. Самый настоящий, животный страх.

– Милости просим, барин, – заговорил он, кланяясь. – В избу пожалуйте, отогрейтесь с дороги. Самоварчик поставим, чем Бог послал, угостимся.

Мы вошли в избу. Внутри было чисто, но бедно: лавки, стол, печь, в углу иконы. Пахло щами и кислой капустой. Жена старосты, худая молчаливая баба, подала на стол хлеб, соль, огурцы и поставила самовар.

Я не стал тянуть.

– Сказывай, Еремеич, – начал я, прихлебывая чай из блюдца, – что у вас тут за беда приключилась? Трое мужиков за зиму пропало. Как такое могло случиться?

Еремеич замялся, переступил с ноги на ногу, поглядел на Зурова, потом на меня.

– Да как, барин… Господь, видать, прогневался. Андрюшка Жила, кузнец, тот пьяница был, мог и замерзнуть в лесу. А Тимофей-пастух – старый, сердце прихватило. А Степка… – он вздохнул, – Степку, видать, лихие люди убили. Разбойники. Только где ж им взяться, разбойникам? Нету у нас разбойников.

– Врешь, Еремеич, – спокойно сказал Зуров. – В глаза мне смотри. Боишься ты. Чего боишься?

Староста побледнел, заморгал.

– Да чего мне бояться, ваше благородие? Я при деле, при должности…

– Людей своих боишься, – перебил его Зуров. – Или не людей. Говори, старая холера, не то в острог заберу, там быстро разговоришься!

Еремеич затрясся, упал на колени.

– Ваше благородие! Барин! Не губите! Не могу я сказать! Не велено!

– Кем не велено? – вскинулся я.

Староста молчал, только трясся и кланялся в пол.

– Оставьте, капитан, – сказал я тихо Зурову. – Не так надо.

Я подошел к Еремеичу, поднял его с колен и усадил на лавку.

– Слушай, Еремеич, – сказал я как можно мягче. – Я не злодей, я правду искать приехал. Трое ваших мужиков по-

гибло. Кто-то должен за это ответить. Если вы будете молчать, так и будут гибнуть. Ты этого хочешь? Чтобы еще люди пропадали?

Староста поднял на меня глаза. В них стояли слезы.

– Не хочу, барин. Не хочу. Только… нельзя нам говорить. Клятву мы давали. Еще от стариков.

– Какую клятву?

– Молчать. Про то место. Про Черный овраг.

Зуров и я переглянулись.

– Что за Черный овраг? – спросил я.

Еремеич тяжело вздохнул, оглянулся на дверь, словно боясь, что кто-то подслушивает, и заговорил шепотом:

– За лесом, верстах в трех отсюда, овраг есть. Глубокий, темный. На дне ручей течет, только вода в нем черная, железистая. Место там гиблое. Еще наши деды сказывали: при царе Алексее Михайловиче раскольники там скит сожгли. Спалились сами, со всем скарбом, с иконами, с книгами. И с тех пор нечисто там. По ночам голоса слышны, огни бродят. А кто туда пойдет – либо пропадает, либо умом трогается. И наши мужики… – он запнулся.

– Что ваши мужики?

– Они туда ходили. Все трое. Я же видел! – выкрикнул Еремеич. – Андрюшка Жила, тот пьяный был, хвастался, что клад там найдет. Пошел ночью. Вернулся утром белый, трясся, ни слова не сказал, а через неделю его в лесу мертвым нашли. Тимофей-пастух тоже туда ходил, днем еще, корову

искал, что отбилась от стада. Вернулся – бормочет что-то, крестится, а через три дня – готов. А Степка… Степка-дурачок туда все время лазил, грибы собирал. Ему-то что, он не понимал. А в тот раз пошел и не вернулся. Потом на тракте нашли.

Я слушал и чувствовал, как волосы шевелятся на голове. Значит, все трое были на Черном овраге. Все трое видели что-то там. И двое умерли от страха, а третьего убили, чтобы молчал?

– А кто еще знает про овраг? – спросил я.

– Все знают. И никто не ходит. Место проклятое. Только барин один туда ездил, давно.

– Какой барин?

– Давно было. Еще при старой графине. Приезжал из Петербурга, молодой такой, красивый. Спрашивал про овраг, про скит. И ездил туда, один. А после его отъезда графиня и заперлась во флигеле. И больше не выходила.

Я вздрогнул. Молодой барин из Петербурга. Неужели… неужели это был мой дед? Или кто-то из Шереметевых?

– Как звали барина? – спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Не знаю, барин. Маленький я был. Помню только, что красивый, в мундире, при шпаге. И лошадь у него была белая. А как звали – не ведаю.

Я откинулся на лавку. Круг замыкался. Прабабка, Черный овраг, молодой барин, тайна, от которой она пряталась

полвека. И теперь – убийства. Неужели прошлое не умерло? Неужели оно живет в этом лесу, в этом овраге, и требует новых жертв?

– Еремеич, – сказал я твердо, – покажи мне этот овраг. Завтра же.

Староста побледнел еще больше, замахал руками.

– Барин! Господь с вами! Нельзя туда! Пропадете!

– Покажешь, – отрезал я. – Завтра утром. А сейчас – спать. Утро вечера мудренее.

Мы вышли на улицу. Зуров молчал, курил трубку, глядя на темнеющее небо.

– Ну что, титулярный советник, – сказал он наконец, – лезете в самое пекло? Оно вам надо?

– Надо, капитан, – ответил я. – Это теперь не просто расследование. Это моя семья. Мой долг.

Зуров покачал головой, но ничего не сказал. Только поплотнее запахнул шинель.

Ночь в Богодуховке была тихой и морозной. Где-то далеко выли собаки. И мне казалось, что в этом вое слышится не просто звериная тоска, а что-то древнее, темное, что не должно было выходить наружу, но вышло и теперь бродит по лесам, ища новые жертвы.

Завтра я пойду в Черный овраг. И, может быть, узнаю правду. Или погибну, как те трое.

Выбора у меня не было.

Вот подробное продолжение исторического детектива, в

котором герой отправляется в Черный овраг, сталкивается с ужасами прошлого и начинает распутывать клубок семейных тайн.

Глава 6. Герой вступает в Черный овраг, находит следы древнего злодейства и встречает живого свидетеля.

Ночь прошла беспокойно. Спать меня уложили в горнице, на пуховой перине, от которой пахло сушеными травами и еще чем-то сладковатым, приторным. Но сон не шел. За стеной вздыхала и крестилась жена старосты, в углу потрескивала лампада, а за окном выл ветер, и в этом вое мне чудились голоса – то ли погибших мужиков, то ли моей прабабки, то ли тех давних раскольников, что сгорели заживо в проклятом скиту.

Под утро я задремал и увидел сон. Будто стою я на краю оврага, а на дне его – костер горит, и вокруг костра пляшут черные тени. И одна тень отделяется от других, поднимается ко мне, и я вижу лицо – прекрасное, молодое, но с мертвыми, пустыми глазами. Это женщина в старинном платье, с высокой прической, усыпанной жемчугом. Она протягивает ко мне руки и шепчет: «Внучек… зачем пришел? Не надо… Уходи… Здесь смерть…»

Я проснулся в холодном поту. За окном уже светало. На столе стоял завтрак: щи вчерашние, хлеб, лук и кринка моло-

ка. Еремеич, бледный и осунувшийся, сидел на лавке и крутил в руках шапку.

– Барин, может, не пойдете? – спросил он жалобно. – Чует мое сердце – не к добру это. Лошадь оседлаю, свезу вас в город, и дело с концом. Напишете графу, что, мол, так и так, нечисто, расследовать невозможно.

– Пойдем, Еремеич, – ответил я, натягивая сапоги. – Не для того я из Петербурга ехал, чтобы отступить перед каким-то оврагом.

Зуров уже ждал на крыльце, курил трубку и хмуро поглядывал на лес, черневший за околицей. Федотов, его помощник, проверял ружье.

– Дорогу знаешь? – спросил Зуров у старосты.

– Как не знать, ваше благородие. Вся деревня знает. Только не ходит.

– Повезешь, – коротко приказал Зуров. – И не бойся, мы с ружьями. Никакой черт не страшен.

Еремеич перекрестился и полез в сани.

Дорога к Черному оврагу шла через лес. Сначала по накатанному санному пути, потом по узкой тропе, где пришлось идти пешком, проваливаясь в снег по колено. Лес становился все гуще, мрачнее. Сосны здесь были старые, в два обхвата, с корявыми, обледенелыми ветвями, похожими на скрюченные пальцы. Тишина стояла мертвая – ни птицы, ни зверя, только снег поскрипывал под ногами да где-то далеко, в глубине леса, стучал дятел, и стук этот казался зловещим,

как похоронный колокол.

– Долго еще? – спросил я у Еремеича.

– Сейчас, барин. Вон за тем поворотом.

Мы обогнули огромный валун, поросший мхом, и вышли к оврагу.

Он открылся внезапно. Еще минуту назад был лес, и вдруг земля оборвалась, уходя вниз глубокой, темной расселиной. Края оврага поросли корявым кустарником, снег здесь был какой-то серый, пепельный, а внизу, на дне, действительно чернела вода – ручей, не замерзающий даже в лютый мороз.

И запах. Слабый, едва уловимый, но тошнотворный. Запах гари и тлена. Словно где-то здесь, глубоко под землей, до сих пор тлел тот самый скит.

– Вот оно, – прошептал Еремеич и перекрестился. – Чертово место.

Мы стояли на краю и молчали. Даже Зуров, человек бывалый и не робкого десятка, снял шапку и перекрестился. Федотов держал ружье наготове, озираясь по сторонам.

Я смотрел вниз и пытался представить, что здесь произошло полтора века назад. Раскольничий скит, лесная избушка или несколько избушек, где молились по старым книгам, жгли свечи перед древними иконами, ждали конца света и царства антихриста. А потом пришли солдаты – или просто соседи, православные, – подожгли скит, и люди сгорели заживо, проклиная своих убийц и завещая месть до седьмого колена.

– Надо спускаться, – сказал я.

– С ума сошли? – Зуров уставился на меня. – Туда? В эту дыру?

– Затем и пришли, капитан. Если там есть что-то, что убивает людей, я должен это увидеть.

Спуск был трудным и опасным. Снег обманчиво прикрывал камни и корни, ноги скользили, несколько раз я чуть не полетел вниз головой. Но мы спустились. Все четверо.

На дне оврага царил полумрак. Солнце сюда почти не попадало, только узкая полоска неба виднелась наверху. Ручей журчал, вода в нем действительно была темной, почти черной – от торфа или от железа, не знаю. Вокруг валялись обгоревшие бревна, почерневшие от времени, куски глиняной посуды, ржавые обломки – то ли котлов, то ли кандалов.

– Глядите! – вдруг крикнул Федотов и указал рукой.

В стене оврага, под нависшим слоем дерна, виднелось отверстие. Пещера? Или вход в землянку? Мы подошли ближе. Это был действительно вход – низкий, узкий, заваленный камнями и обгоревшими досками. И оттуда, из темноты, тянуло холодом и запахом тления.

– Там кто-то есть, – прошептал Еремеич, пятясь.

– Федотов, свети, – приказал Зуров.

Федотов зажег факел, который захватил с собой, и сунул его в отверстие. Пламя осветило узкий лаз, уходящий вглубь, и – о ужас! – на стене, при входе, мы увидели человеческие кости. Скелет, вернее, часть скелета, приваленная камнями.

Череп смотрел на нас пустыми глазницами, и в свете факела казалось, что он ухмыляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.